

*Селиверстова Ю.А., кандидат политических наук, старший преподаватель,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского"*

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В РОССИИ

Аннотация: статья посвящена проблеме политического лидерства в России. Цель статьи заключается в рассмотрении основных специфических характеристик политического лидерства в российской политической системе. Автор статьи приходит к выводу, что персональное восприятие государственной власти в лице политического лидера приводит к существенной деформации функционала политического лидерства в политической системе.

Ключевые слова: политическое лидерство, политическая система, политический процесс, политические технологии

В отечественной и зарубежной историографии проблематике политического лидерства посвящено немало работ. Однако все они в большей степени акцентированы на рассмотрении конкретных примеров, связанных с деятельностью того или иного политика. Тем не менее, в современных условиях, когда тип, характер и функционал политического лидерства оказывает все большее влияние на политический процесс необходимо обратить внимание на общую тенденцию развития данного явления в российской политической практике.

Специфические характеристики политического лидерства в России можно выявить на основе нескольких основных критериев:

1. Используемые технологии при формировании имиджа политика.
2. Практический функционал лидерства в политическом процессе.
3. Формат коммуникации между лидером и его командой.
4. Восприятие власти в народном сознании.

По сути, именно с последнего критерия можно начать анализ, поскольку именно от шаблонов, исторически сложившихся представлений о власти вообще зависят те технологии, которые используются политтехнологами при формировании имиджа политика с целью гипертрофии его лидерских качеств.

С момента начала истории российской государственности власть как концепт воспринималась народом в качестве в высшей степени персонифицированного механизма политической системы. Более того, лидер – князь, царь, император, президент – в любых его формальных ипостасях всегда воспринимался населением России через призму персональных качеств. Данная проблема тесно связана с особенностями русской политической культуры, которая уходит своими корнями в византийские традиции.

Восточный вектор в понимании власти прослеживается довольно четко – именно в странах Во-

стока глубоко укоренена традиция персонификации власти. То есть, если в англо-саксонской традиции и политической культуре, наложившей отпечаток на всю западноевропейскую политическую культуру, власть воспринимается прежде всего как функция политической системы, а лидер – только как неотъемлемая часть ее функционала, как один из множества политических институтов, то для российской политической культуры характерно понимание власти иное – лидер, глава государства, царь, император, генеральный секретарь партии – вне зависимости от формальных полномочий и регалий – воспринимается как некая надинституциональная составляющая политического процесса [2, с. 135].

Именно в силу такого отношения к власти вообще и к политическому лидерству в частности в России постоянно происходит полная идентификация государства с конкретным государем. Примером тому множество – достаточно вспомнить такие устойчивые вербальные паттерны, как «за царя, за Отечество», «за Родину, за Сталина», «Россия-это Путин» и т.п. Апогеем такого восприятия лидера стал, без сомнения, искусственно сформированный в 1930-х годах «культ личности» И.В. Сталина.

В целом, в массовом сознании россиян власть воспринимается как волюнтаризм политического лидера, причем сам лидер попадает в своеобразный замкнутый круг, поскольку один человек не в состоянии сломать такой устойчивый традиционный подход к власти, веками формировавшийся у населения страны. В результате, обращаясь к первому критерию анализа, политтехнологи всех времен в России вынуждены были выстраивать имидж политического лидера так, чтобы он мог «понравиться» народу – то есть сформировать легитимность власти в сознании населения. При этом на всех этапах существования российской государственности политтехнологи использовали всего несколько архетипов, глубоко укоренных в массовой сознании – «воин», «отец-защитник»,

«покровитель слабых и угнетенных». Тем не менее, в XXI веке политтехнологи прекрасно понимают, что данных архетипов не достаточно для создания прочной легитимной базы и позитивного восприятия власти. После слома советской системы и переориентации бывшей советской номенклатуры на «демократию», в обиходе политтехнологов появляется еще один, более древний и, пожалуй, самый разрушительный – с точки зрения функционала лидерства в политической системе – архетип – «брутальный самец» [4, с. 33].

Для активации данного архетипа в массовом сознании в различных каналах массовой коммуникации постоянно воспроизводятся различные индикаторы – полуобнаженные фотографии президента, фотографии с демонстрацией физической силы, распространение календарей, принтов на одежде, посуде, тексты песен типа «хочу такого, как Путин» и т.п. с изображением В.В. Путина в качестве «здорового сильного мужика». Этический вопрос в данном случае можно не затрагивать, поскольку все подобные информационные вбросы нужны для поддержки архетипа «альфа-самца», что порождает звериные, асоциальные ассоциации, однако имеет весьма высокую эффективность для повышения рейтинга и формирования нового «культа личности» на современный лад [4, с. 47].

Интересен тот факт, что большинство исследователей политических архетипов в контексте формирования имиджа политика и форматов политического лидерства, указывают на то, что оперирование древними, первобытными архетипами, при всей высокой эффективности такого подхода в среднесрочной стратегии, имеет обратную сторону – чем более соответствует избранному архетипу действующий лидер, тем выше задается «планка» для его преемника – он должен быть сильнее, сексуальнее, физически более развит, более быстр и т.п. по сравнению с предшественником. В противном случае более слабого лидера «народ не примет». Отметим особо, что на политический процесс такое лидерство, сформированное на основе первобытных архетипов, если и имеет влияние, то только негативное. Какое отношение физическая форма президента имеет, например, к проблеме системного кризиса в исполнительной ветви власти, погрязшей в коррупции и неформальных политических практиках – трудно установить. Персонификация власти приводит к тому, что лидер существует в сознании населения существует вне системы политических отношений.

Соответственно, все кризисные явления в политическом процессе воспринимаются не как прямая ответственность политического лидера, который не справляется со своими служебными обя-

занностями, а как некие козни и происки коррумпированного окружения, о которых «добрый царь», «мудрый генсек», «сексапильный президент» и т.п. – просто не имеет представления, а как только он об этом узнает – то при его личном вмешательстве произойдет чудо и проблемарешится [2, с. 137].

Интересен тот факт, что достучаться до сознания рядовых россиян по поводу искаженного восприятия роли политического лидера в политической системе не представляется возможным – персона главы государства воспринимается очень эмоционально и не ассоциируется с его обязанностями по управлению страной. В итоге – переходя ко второму критерию анализа, можно сказать, что собственно реальные результаты деятельности политического лидера в России никогда особенно не волновали рядовых граждан. В большей степени население обеспокоено тем, как выглядит, как говорит, как позиционирует себя политический лидер.

Преобладание внешних атрибутик над функциональными, персонифицированного отношения к власти над функциональным, жесткая привязка к архетипическим концептам и образам в сознании населения страны – все это приводит к тому, что политическое лидерство не выполняет функцию двигателя социально-экономического развития, не транслирует конструктивных идей, а только популистские лозунги и предложения. Еще одна особенность политического лидерства в России заключается в отождествлении конкретного человека с государством вообще, человека с политической системой.

Такое тождество приводит всякий раз к тому, что при радикальной смене лидерства происходит кризис всей политической системы: смена династий Рюриковичей на Романовых, переворот 1917 года, распад СССР и установление президентской власти Б. Ельцина. Единственным плавным переходом от одного лидера к другому стал уход с политической сцены Б. Ельцина, фактически «отрекшегося от престола» в пользу В. Путина [3, с. 687]. Однако такой плавный переход удалось обеспечить именно за счет модели «президент-преемник», не на основе антагонизма и контраста между двумя политическими фигурами, а на основе передачи власти на добровольной основе.

Далее, никто не задавался и до сих пор не задается вопросом, какой будет Россия «после Путина», каким должен быть его преемник, чтобы не привнести дестабилизацию в политическую систему. Более того, всячески продвигается мысль о «вечности» действующего президента, что является косвенным доказательством того, что политтехнологи, используя первобытный архетип

«альфа-самца» зашли в тупик, поскольку фигуру более сильного во всех отношениях преемника следует долго готовить, формировать из ближайшего окружения, однако пока в этом окружении подходящих кандидатур не находится.

В результате в России сложилась тупиковая ситуация с политическим лидерством – пока В.В. Путин у власти внешняя стабильность системы будет обеспечена. Вопрос только в том, насколько долго удастся продлить этот период.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы о следующих специфических характеристиках политического лидерства в России:

1. Политическое лидерство в России имеет жесткую корреляцию с традиционной политической культурой российского общества, постоянно воспроизводящей патриархальные паттерны в ценностно-нормативном блоке общественного сознания.

2. Персонификация власти, имеющая глубокие исторические традиции византийского происхождения, которая приводит к полному отождествлению главы государства с самой политической системой в массовом сознании граждан.

3. В силу двух приведенных выше характеристик политтехнологии при создании новой кандидатуры на пост главы государства вынуждены руководствоваться традиционными архетипами, формируя тот тип лидерства, который будет наиболее приемлемым в текущей политической обстановке.

4. Преобладание внешних атрибутов над функционалом приводит к деформации целеполагания в процессе реализации политического лидерства. В итоге политическая система в России практически постоянно, с момента образования государственности на этой территории, существует в режиме «ручного управления», когда неформальный институт личной власти преобладает над всем институциональным дизайном и приводит к постоянной необходимости личного вмешательства главы государства в проблемные зоны политического процесса. Переломить эту пагубную тенденцию в ближайшем будущем не представляется возможным по причине того, что политтехнологии продолжает эксплуатироваться технология паттернов-архетипов при формировании имиджа политического лидера.

Литература

1. Агарков М., Силаев Н. Модернизация вертикали // Эксперт. 2010. № 4. С. 19 – 26.
2. Дурдин Д.М. Образ политического лидера: трансформация невозможна // Полис. 2015. №2. С. 33 – 151.
3. Млечин Л.М. Кремль. Президенты России. Стратегия власти от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина. М., 2002. 703 с.
4. Попов Э.А. Российская политическая элита и коммуникативные технологии. М., 2015. 144 с.

References

1. Agarkov M., Silaev N. Modernizacija vertikalii // Jekspert. 2010. № 4. S. 19 – 26.
2. Durdin D.M. Obraz političeskogo lidera: transformacija nevozmozhna // Polis. 2015. №2. S. 33 – 151.
3. Mlechin L.M. Kreml'. Prezidenty Rossii. Strategija vlasti ot B.N. El'cina do V.V. Putina. M., 2002. 703 s.
4. Popov E.A. Rossijskaja političeskaja jelita i kommunikativnye tehnologii. M., 2015. 144 s.

*Seliverstova Y.A., Candidate of Political Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*

SPECIFICS OF POLITICAL LEADERSHIP IN RUSSIA

Abstract: the article is devoted to a problem of political leadership in Russia. The purpose of article consists in consideration of the main specific characteristics of political leadership in the Russian political system. The author of article comes to a conclusion that the personal perception of the government on behalf of the political leader leads to essential deformation of functionality of political leadership in political system.

Keywords: political leadership, political system, political process, political technologies